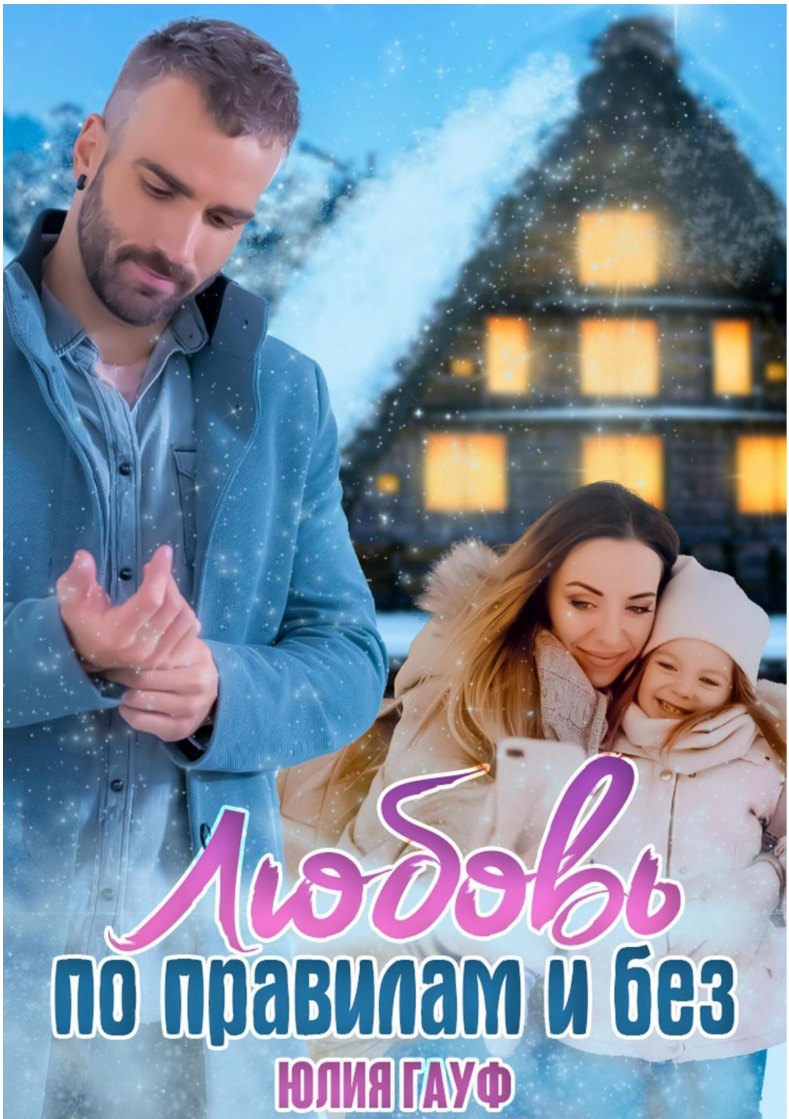
Любовь
по правилам и без
Юлия Гауф

Юлия Гауф
Любовь по правилам и без

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69513643
SelfPub; 2023

Аннотация

– Вот я дурак!– Дурак, дядя, – раздался тоненький детский голосок, и мы все посмотрели на малявку с рюкзачком. – Как и все мужчины.Я улыбнулся, а девчушка обхватила набалдашник моей трости:– Ваша? Как у Доктора Хауса. Вы врач?– Он одинокий волк, – запинаясь пробормотал мой приятель.– Волк? Одинокий? – девочка отчего-то оживилась. – У вас нет жены? А вы можете жениться на моей маме? Она красивая, и самая лучшая! Вот придет за мной, и вы увидите. И женитесь, да? Вот только мама разведется с папой, и вы сразу же, ладно?Девочка тараторила, будто до этого не говорила целую вечность, а я глазами хлопал как придурок.– Так, ребенок… – я попытался призвать девочку к порядку, но она вдруг обернулась, и кивнула в сторону.– А вот и моя мама пришла.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 10
Глава 3 17
Глава 4 24
Глава 5 31
Глава 6 37
Глава 7 45
Глава 8 52
Глава 9 57
Глава 10 65
Конец ознакомительного фрагмента. 72

Юлия Гауф
Любовь по правилам и без

Глава 1

ЕГОР

– Моя звонит, – закатил глаза приятель. – Домой приду, и опять ныть начнет. На тему, что я то на работе, то с друзьями, а она никуда не выходит. Будто я запрещаю. Везет тебе, братан.

– Мне?

Все сидящие за столом мужики рассмеялись, а я искренне удивился. Это в чем же я такой везучий-то?

– Тебе-тебе, кому же еще! Ни у кого отпрашиваться не приходится, чтобы посидеть с приятелями.

– И когда домой возвращаешься, никто мозг не выносит: где был, с кем, почему так долго, и прочий бред, – кивнул Серёга.

– И никто не устраивает скандал, узнав что намечается мальчишник в баре, а не в кафе, – добавил Лёха.

– Так вот почему мы не в баре встретились, а в кафе? – спросил я у мужиков.

– Разумеется! Моя бы мне жизни не дала, если бы я в бар пошел, а не в кафе. Сказала, что если я с запахом приду, то ночевать буду на лестничной клетке. Семейная, мать её, жизнь. Так что тебе реально повезло.

– Эй, мужики, я теперь тоже в когорте везунчиков. Развожусь, не забыли что отмечаем? – Серый поднял бокал с янтарной жидкостью. – Так что мы с Егором оба теперь одинокие волки! Ну что, бахнем за нашу удачу?

Я усмехнулся, и поднял чашку с имбирным чаем.

– Чай?

– Я за рулём, мужики, – пояснил я, мысленно примеряя к себе это Серёгино «одинокий волк».

Мда, волк. Скорее, никому не нужная, побитая жизнью псина.

Лучше бы меня дома кто-то ждал, беспокоился обо мне. И черт бы с ним, с выносом мозга, с любимыми бабскими запретами и допросами. Лишь бы было к кому возвращаться. К любимой женщине, в волосы которой можно уткнуться носом, и дышать ею, пахнущей домом.

Но таковой у меня нет. Свою еще не встретил. Одинокий волк, мда…

– Предлагаю забуриться в клубешник после этих детских посиделок. Тёлочек снимем, я развод отмечу, да и тебе бы, приятель, отдохнуть от всего. Только на ноги встал, – хлопнул меня по плечу Серёга.

Про «встал на ноги» – это он в буквальном смысле. Столь-

ко лет в инвалидном кресле пробыл, что и вспоминать тошно. А теперь хожу с тростью.

– Я – пас, брат.

– А что так?

– За город уезжаю, – сказал, неожиданно для самого себя, и тут же понял, что именно это мне и нужно. – Отпуск решил устроить от всех, один хочу побыть. Посидим, и я выдвигаюсь.

– Может, отложишь? Клуб, горячие цыпочки, м?

Я с усмешкой покачал головой. Любая горячая цыпочка в обморок упадет, когда я разденусь. Всё тело в шрамах от старых травм, операций.

Странно. Двенадцать лет я был лишен женского общества, а ведь в юности гулял только так. И когда появился шанс встать на ноги, первым в моём списке дел было именно то, что Серый предложил – ночь с заводной девчонкой.

Но почему-то не хочется. Я могу, но не хочу вот так, как раньше – одноразово, непонятно с кем. Старею, должно быть.

– Пойду, потороплю бармена, а то топливо нам не несут, – икнул Серый, встал и пошел к стойке, задев массивным телом высокий стул, на котором девочка сидит.

Реально, девочка. Ребёнок лет семи-восьми. Светленькая такая, с рюкзачком, на котором глуповатый принт в виде чокнутого единорога. И видно что одна она, рядом ни мамы, ни папы. И, да, мы в кафе, а не в баре, но время вечернее.

Зима, темнеет уже в пять вечера. А девчонка одна.

Ладно, не моё дело. Может, мамашка её в туалет пошла.

Я отвлекся на телефон, забыв про ребёнка, а затем включился в общую беседу. Беседа крутится вокруг Серёгиного развода с Оксаной.

– Все беды от баб! Чтобы я еще хоть раз женился! Нет, никаких больше брачных обетов. К черту! Сегодня же в клуб… ик… к цыпочкам…

Приятель разгоряченно вещал про ужасы семейной жизни. А мне всё по его лицу понятно вдруг стало – не нужна ему эта свобода. И цыпочки клубные не нужны. Любит он до сих пор свою Оксану, которая не смогла простить левак, о котором узнала. И ведь не скажешь Серому, что он дурак, и сам виноват. Потому что мужская солидарность.

Но Серый сказал это сам:

– Вот я дурак! Ну дебил же я, мужики, – обхватил он голову руками.

– Дурак, дядя, – раздался тоненький детский голосок, и мы все посмотрели вправо, на малявку с рюкзачком. – Как и все мужчины, – припечатала малявка мрачно.

И нам бы рассмеяться, потому что это, ну, ребёнок же совсем, а не прожжённая взрослая женщина. Я даже улыбнулся на высказывание, но девчушка обратила внимание на меня, обхватив набалдашник моей трости:

– Ваша? Как у Доктора Хауса. Вы врач?

– Скорее пациент, – подмигнул я девочке.

Сюр какой-то.

– Он од-динок-кий волк, ик, – запинаясь пробормотал Серый, которому явно пора на боковую.

– Волк? Одинокий? – девочка отчего-то оживилась. – У вас нет жены?

– Нет. А мама твоя где, малышка?

– Скоро придет. А вы можете жениться на моей маме? – ошарашила меня девочка, да и моих приятелей тоже. – Она красивая, и самая лучшая! Вот придет за мной, и вы увидите. И женитесь, да? Женитесь же? Вот только мама разведется, и вы сразу же, ладно?

Девочка тараторила, будто до этого не говорила целую вечность, а я глазами хлопал как придурок. Может, я не имбирный чай пил, а что покрепче, а?

– Так, ребенок… – я попытался призвать девочку к порядку, но она вдруг обернулась, и кивнула в сторону.

– А вот и мама пришла.

На эту маму уставился не только я, но и все мои приятели.

Мама девочки шла, стуча каблуками по полу кафе. И стук этот был сердитым. Как и походка женщины, и весь её вид. Да, именно сердитый. Она остановилась в паре шагов от нашего столика, протянула руку к девочке, которая почти забралась ко мне на колени.

– Катя, и как это понимать? Что за демарш? Я чуть с ума не сошла, пока мне из этого кафе не позвонили. А ну-ка домой, немедленно!

Красивый голос, и… знакомый. Каждой своей интонацией знакомый. Поставленный, глубокий и блюзовый, с бархатным тембром. Голос, знакомый каждой своей интонацией. Голос, в который можно влюбиться. Вот только почему этот голос мне так знаком?

– Мам, я тебе мужа нашла, – девочка не очень воспитанно ткнула в меня пальцем.

Мужики заржали, а мне точно не до смеха сейчас. Потому что я вроде как и… не против.

Глава 2

НАСТЯ

Труд сделал из обезьяны человека, чтобы потом превратить его в лошадь. А еще в плохую мать. У хороших матерей восьмилетние дети явно не сбегают в кафе, и не беседуют с подозрительными мужиками.

– Кать, я же просила посидеть и почитать, пока я работаю! А если бы что-то случилось с тобой. Если бы тебя обидели, если бы похитили? – волновалась я, ведя свою дочурку к машине.

Странное дело – когда я неслась в это кафе, из которого мне позвонил бармен с сообщением, где тусит моя восьмилетка, я нервничала, но не так. Сейчас, когда я нашла свою дочь, я в ужасе! И в голове разные картины вырисовываются, что бы могло произойти с моим Катенком за эти полчаса.

А затем… затем я вспомнила.

– Так, барышня, – я обернулась к дочери, устроившейся на заднем сидении, – что значат твои слова: «Нашла тебе мужа»?

Молчит. Нахмурилась, и молчит обиженно.

Я абсолютно точно плохая мать. Со мной моя дочь не разговаривает уже месяц. Она ни с кем не разговаривает, а вот

с этими забулдыгами – за милую душу, как оказалось.

– Катька, я же слышала – ты разговаривала с ними. А со мной почему не хочешь поговорить?

Снова молчит. Господи, дай мне сил не раздражаться на ребёнка!

Впрочем, раздражаться на Катю я не имею никакого права. Её молчание – лишнее подтверждение, что как хорошая мать я проиграла.

Катя была обычной веселой девчонкой. Болтала без умолку, иногда от её «почему» голова трещала. И это говорю я – ведущая на радио! Даже по моим меркам моя дочь считалась болтушкой.

Пока не замолчала месяц назад. По моей вине.

– Кать, у меня отпуск, – я вспомнила совет психолога, которая напутствовала вести беседы с дочерью, но не заставлять её говорить. – Помнишь, я рассказывала тебе? Сегодня провела эфир, и теперь мы обе свободны. У тебя домашнее обучение, пока ты не снизойдешь до нас всех, и не заговоришь. Я взяла отпуск на три месяца. Раз в неделю буду приезжать на радиостанцию, чтобы вести авторский подкаст, и всё. Только ты и я, классно? Ка-а-ать?

Дочка сдалась, и кивнула мне.

– Я всё еще могу купить билеты в Тай, или в Доминикану. Твой папа разрешит вывезти тебя из страны на время. Может, в жаркие страны?

Молчит.

– Значит, не хочешь? И, как договорились, едем в старый дом тети Лены? – спросила, и дочка кивнула. – Катёнок, предупреждаю: там скукота. Сомневаюсь, что в округе есть дети твоего возраста, или вообще кто-то живой. Место глухое, на отшибе три дома, ехать мы будем до ночи. Точно выбираешь отдохнуть вдвоем в глуши? Подумай: райские пляжи, аниматоры, солнце и пальмы или снег, глушь и старый дом, где будем только ты и я?

Ну же, выбери отдых в жаркой стране! Может, там всё наладится у нас!

Я мысленно просила дочь сделать выбор, естественный для маленького ребенка. Еще месяц назад Катя без сомнений бы заявила, что хочет полететь в Доминикану. Но сейчас… сейчас она хочет обратного.

– В Тьмутаракань? – уточнила я со вздохом, и дочь, разумеется, кивнула. – Ладно. Вещи в багаже. В туалет хочешь? Могу у ТРЦ остановиться, сходишь.

Молчит.

И мне пора замолчать. Психолог советовала говорить с Катей, но… как бы это сказать? Беседа двоих людей – это сто процентов. И мне нужно давать Кате не сто процентов, а пятьдесят. Я не должна полностью забивать эфир своей болтовней, лишь бы не допустить тишины. Нет, я должна давать ей ровно половину. И ждать. Ждать, пока мой горячо любимый ребенок будет готов заговорить.

Сегодня я слышала её голос впервые за прошедший ме-

сяц.

Месяц! Поверить не могу, что прошел целый месяц!

Я ехала к выезду из города, вспоминая тот день, когда Катя замолчала. А ведь и правда, ровно месяц прошел, даже время на часах примерно то же…

– Мам, я писать хочу! – заявила Катька, когда мы только отъехали от дома.

– А дома сходить не могла? Не потерпишь? Нам ехать всего минут двадцать.

– Нет, – пропищала дочка, и я вернулась на парковку.

Катя первой выбежала из машины. Да уж, съездили на новоселье к тёте! Пока поднимемся, пока Катя сделает свои дела… еще проверим, не забыли ли что в квартире. С мужем поболтаю, он с нами не едет, работы много. Даже на дом работу свою тащит! Затем спустимся, и придется ехать по пробкам. Не двадцать минут, а час.

Мы с дочкой зашли в подъезд, но и тут сюрприз, чтоб его!

– Мам, мне очень надо, – дочка начала подпрыгивать на месте.

А я смотрела на четыре лифта, ни один из которых не сможет поднять нас на двадцать третий этаж, на котором мы живем. Нет, они не сломались, просто грузчики загружают в один лифт вещи пары, которая въезжает в наш дом. И раз один лифт на стопе, то и все остальные тоже не работают.

Пешком мы точно не поднимемся в нашу квартиру. А Ка-

тя уже красная от натуги.

– Долго еще? – поинтересовалась я у пары своих новых соседей, на что те лишь пожали плечами, и извинились.

Впрочем, не они виноваты в том, что наши лифты так устроены: стоит один – стоят и все остальные. Такая вот солидарность.

– Давай к тёте Наташе поднимемся на третий и у неё сходишь, – я подтолкнула дочь к лестнице, и она аж побежала к квартире моей приятельницы.

А я за ней.

– Пойдем, продуктами закупимся, – я свернула к Меге, удачно расположенной на выезде из города. – Сомневаюсь, что там, где мы с тобой проведем отпуск, много магазинов с хорошим выбором продуктов.

Катя послушно вышла из машины. Молча.

Господи! А ведь ничего этого бы не было, если бы в тот день, ровно месяц назад, Катя не вбежала в квартиру Наташи первой. Если бы я успела позвонить в дверной звонок. Но Катя так хотела в туалет, что забыла о правилах приличий. Вбежала в оказавшуюся незапертой квартиру моей подруги.

Бывшей подруги.

А я за дочкой. И ведь я хотела крикнуть извинение за варварское вторжение. Даже рот открыла, но услышала знакомый голос. Голос моего мужа. И стоны. Нет, даже не стоны, а вой.

И Катя услышала.

А затем и увидела эту мерзость. Своего отца с моей подругой.

И замолчала.

А я не смогла её защитить от этого зрелища.

– Всё взяли? Ничего не забыли? Несквик свой положила в корзину? – спросила я на кассе у дочки. – В туалет хочешь? Может, в кафе посидим? Или продолжим дорогу?

Катя потянула меня на выход из Меги. Я выгрузила из тележки продукты в багажник, и мы снова поехали.

– Катёнок, ты говорила, что нашла мне мужа, – подняла я скользкую тему, уже и не надеясь, что дочка заговорит со мной. Я почти смирилась. – Зачем тебе это, милая? Мы же разговаривали с психологом, помнишь, что она сказала? Твой папа… да, мы не скрываем, он обидел меня. Но тебя он любит! Ты из-за того случая взялась мне мужа искать, малышка?

Молчит. Что ж, привычно.

– Тот дядя… добрый, – вдруг услышала я Катин ответ, и заставила себя не отрываться от руля. – У него нет жены. Он бы не обидел нас. Ты же разводишься с папой? Мам, ты ведь не простишь его?

Тут уже замолчала я.

Может и хорошо, что мы не полетели в Южную Америку или в Азию. Здесь, на отшибе цивилизации, возможно мой ребёнок исцелится. И я сама найду в себе силы, чтобы встретиться с мужем, чтобы поставить точку.

Но никакого другого мужчину я больше не впущу в нашу с Катей жизнь. Ни за что!

Глава 3

– Катён… это сложно всё.

– Что сложного? – расстроилась дочь. – Мам, ну не тот дядя из кафе, так другой пусть будет. Хотя тот мне понравился.

– Чем? – мы как раз подъехали к старому коттеджу моей тёти, и я припарковала машину.

– У него трость классная.

Я того мужика даже не разглядывала. И трость не заметила. Да и глупости всё это.

– Кать, послушай меня внимательно. Мне жаль, что ты увидела то, что увидела. Правда. И я понимаю, что тебе неприятно и больно. Но знаешь, что самое главное? Меня предал муж. Да, Кать, ты уже достаточно большая девочка, чтобы это понять. Меня предал мой муж. Но твой отец тебя не предавал. То, что он был с тётей Наташей – это не предательство тебя, это предательство меня, милая.

Мы с Катей вышли из машины, я притянула свою малышку к себе, и обняла.

– Сейчас дети быстро взрослеют. Мы разговаривали с тобой на эти темы, да и в школе, в интернете ты явно нахваталась. И ты точно поняла, что делал папа в тот вечер, так? – я дождалась, чтобы дочка кивнула, и продолжила. – Он мне изменил, но не тебе. Это сложно понять, но ты должна попы-

таться. Он же был хорошим отцом. Твой папа скучает по тебе. Звонит, пишет – и тебе, и мне. Не приходит только потому что я запретила тебя травмировать, попросила дать тебе время. Но Кать, это время должно настать, понимаешь? Твой папа – это твой папа, который допустил ошибку. Не нужно искать мне мужа, у тебя уже есть отец.

Катя тяжело вздохнула, и не ответила мне ничего. Бедный мой лягушонок.

Странная штука – жизнь. Я горячо любила мужа. И мы отлично жили с ним. Да, страсть немного утихла, но нельзя сказать, что мы скатились в рутину. Нет, у нас после стольких лет сохранится интерес друг к другу, нам всегда было о чем поговорить, и в постели всё было отлично. Я не запустила себя, я успешна и красива.

Эта измена – гром среди ясного неба. И я даже не могу оплакать своё разбитое сердце. Если бы только я была свидетельницей предательства мужа, то я бы выла от горя. Места бы себе не находила. Но со мной была Катя, и так получилось, что моё сердце разбилось тихо, а её – громко. И за её горем моё ощущается не так сильно.

Весь этот месяц я только и делала, что анализировала нашу жизнь. Вспоминала приятные моменты, их так много! Виктор был отличным мужем, и отцом. Катьке он уделял целый океан внимания, он не был «диванным» папой. И я вспоминала все эти моменты, прокручивала нашу жизнь, и… нет, я не могу понять – почему! Что послужило причиной изме-

ны. Говорят, что всегда виноваты оба, но видимо это ложь. Не вижу я своей вины в том, что муж спутался с другой!

Утром, днем и вечером я ненавижу Виктора – и за то, что он причинил боль Кате. И за то, что он предал меня. А ночами… ночами я скучаю по нашей жизни втроем. Я не прощу его никогда, у меня на сетчатке отпечаталась измена Вика, но как же я скучаю! Не по нему – по нам!

Вот что ему не хватало…

– Ну что, котик, вот и наш дом, – мы подошли к коттеджу. – В соседских домах темно, на окраине поселка их всего два. Не страшно?

Катя покачала головой. Не страшно ей. А месяц назад она бы испугалась жить так далеко от цивилизации. Повзрослела моя девочка.

И снова молчит.

– А вот дом, – открыла его, и добавила в голос оптимистических ноток. – Пыльно, прохладно, но это поправимо. Спать будешь со мной?

Катя снова мотнула головой.

– Давай я приготовлю две спальни. Но сегодня ты со мной поспишь, хорошо? А завтра если захочешь – одна уже. Поможешь мне прибраться? Кухню и спальни – сегодня, а потом уже не спеша весь дом.

Мы с Катей принялись за уборку. Я всё не могу отделаться от мысли, что еще совсем недавно дочка бы капризничала, филонила. Мечта каждой матери, чтобы ребёнок был по-

слушным, но… фиговая мечта, как оказалось!

Психолог говорит, что Катя, как и почти все современные дети, хоть и знала о взрослой стороне жизни, но не была готова с ней столкнуться. И потому потерялась, замкнулась в себе. Не из вредности молчит, и не чтобы наказать нас, взрослых, которые не смогли её уберечь. Она так справиться пытается с тем, что наша жизнь разрушена.

А ведь если психолог посоветует вернуться к Вите, я ради дочки сделаю это. Так, стоп…

– Кать, ты подслушивала нашу беседу с психологом, да? Отсюда эта идея найти мне мужа, который станет твоим новым папой? – спросила я, готовя нам быстрый ужин.

Катя покраснела, и покачала головой. Врушка.

Вчера я, отчаявшись, спросила у психолога – может, вернуться к Вите? Может, тогда Катя забудет об этой беде, когда вернется в нашу привычную жизнь?

– Кать, твой папа… – я снова хотела сказать, что Витя любит её, и Катя это поняла. Резко поднялась, нахмурившись, и потопала на второй этаж.

Чтобы не быть в надоевшей тишине, я включила музыку, и продолжила делать нам ужин. Меня отвлек телефонный звонок.

Виктор.

Нет, не могу с ним разговаривать. Просто не могу! Мы общаемся с ним, но разговаривали за этот месяц всего три раза. И в каждый наш с ним разговор я задыхаюсь, горло так

сжимается от подступающих слез, что я не выдерживаю, и сбрасываю вызов. И мы продолжаем общаться в мессенджере. И обсуждаем только дочь.

Нужно подавать на развод, делить имущество, принимать решения. Столько всего предстоит сделать! Но состояние Кати меня останавливает от этих шагов. А Виктор думает, что раз я не тороплюсь с разводом, значит раздумываю – простить его или нет.

«Привет. Вы доехали? Я звонил Кате, она снова не отвечает мне. Может, ты поговоришь со мной? Насть, я скучаю! Я так сильно скучаю! И по Катьке, и по тебе. Я очень вас люблю. Может, на следующий сеанс с психологом приеду я? Подумай над семейной терапией: сначала мы втроем, а затем только мы с тобой. Я хочу всё исправить, любимая. Мы того стоим. Подумай, прошу. И отправь мне, пожалуйста, фотографию Кати, хочу посмотреть на неё. Она же растет не по дням, а по часам, а я пропускаю» – прочитала я поступившее сообщение от мужа.

– Наладить он хочет. Исправить, – пробормотала я, разозлившись. – Ненавижу!

Мы с Катей съехали из нашей квартиры. Могли выставить Витю, но я не могла перестать думать о том, что возможно он изменял мне и на нашей кровати. Когда вещи собирала, Витя присутствовал, и пытался мне всё объяснить.

Извинялся.

Каялся.

На колени вставал.

А потом вдруг сказал правду, которая до сих пор эхом звучит внутри меня:

– Да, я тебя любил и люблю, но мне почти сорок лет, Настя! Я просто проснулся утром, посмотрел на тебя, и подумал: неужели только твое лицо я буду видеть всю жизнь? Только с тобой засыпать и просыпаться? И так до конца жизни? Черт, Насть, у нас с Наташей было три раза. Она сама на меня залезла, раньше я посылал её, но эти мысли… в общем, не выдержал. Это кризис среднего возраста. Больше никаких измен не будет. Это просто кризис, и мы вместе пройдем через него.

– Это не кризис, а кобелизм, – отрезала я тогда, закинула вещи в чемоданы, и вышла из нашей квартиры.

Нужно прекратить вспоминать!

Я отправила Виктору пару фотографий Катьки, которые сделала сегодня, помешала мясное рагу, накинула пальто и вышла из дома. Холодно на улице, снежно. Подышу немного, прочищу голову от болезненных мыслей, и вернусь в дом.

Прислонилась к стене спиной, и запрокинула голову, любуясь полотном неба. Здесь оно красивое! В городе так давно не обращала внимание на то, что существуют звезды и небо. Замоталась в делах, закрутилась… а небо стоит того, чтобы на него смотреть хоть раз в день.

Впрочем, долго любоваться звездами не получилось. Всё

испортил шум внедорожника, больше похожего на танк. И это немного испугало меня – глухомань, всё же, а мы с Катей одни здесь. И никто не защитит. Может, зря я её сюда привезла?

Машина остановилась у соседнего коттеджа – близнеца нашего домика. Через пару секунд я увидела, как дверь авто открылась, и в сугроб спустился мужчина с тростью.

Сосед.

Глава 4

– Котька, просыпайся, – я обняла спящую дочку, и та недовольно хныкнула.

Спрятаться пытается под одеялом, но я не сдаюсь, чмокаю её в наморщенный лобик, и продолжаю будить.

– Ко-о-оть. Катёнок. Котька, – протянула я, но дочка упорно отказывается открывать глаза.

Ох и бесилась моя Катя раньше, когда я её Котей называла! А сейчас… снова молчит. Но меня радует уже то, что вчера она говорила – и с тем странным мужиком, и со мной.

– Екатерина, пора вставать. Будешь долго валяться в кровати – голова заболит. И вообще, всё на свете проспишь. Поднимайся, – я безжалостно сдернула с дочки одеяло.

Катя капризно задрыгала ногами, но глаза открыла. Привыкла, что с жестокосердной мамой в некоторых вопросах спорить нельзя. Никаких валяний на кровати до обеда!

Признаться, когда в нашей семье случилась беда, я хотела разрешать Кате всё. Бессовестно баловать её, разрешать целыми днями смотреть мультики, объедаться сладостями… да вообще всё! Всё, что она хотела. Но психолог вовремя вправила мне мозги, хвала этой умной женщине.

– Чем займемся, Кать? – ласково погладила дочку по мягким волосам. – Приятного аппетита.

Она кивнула, и отправила ложку овсяной каши в рот.

– А мне не хочешь пожелать приятного аппетита? – спросила я.

Чувствую себя наркоманкой. Не так давно дочка была жуткой болтушкой. А у меня работа, дела, усталость. Хотелось тишины хоть изредка, хоть на часочек. Но всего месяц этой идиотской тишины, и у меня ломка. А вчера услышала Катькин голос, и мне нужна новая доза. Хотя психолог просила не наседать и не давить на дочь. Но… не могу, не могу и всё тут!

– Ладно, – вздохнула я. – Приятного аппетита мама. Спасибо, дочь, – спародировала я, и принялась за завтрак.

Дочка дождалась, пока я доем, собрала наши тарелки, и подошла к раковине. Даже просить не пришлось.

Я тайком сфотографировала занятую мытьем посуды дочку, и отправила фото мужу. Ответил он сразу же.

«Доброе утро. Спасибо. Люблю вас обеих! Прошу тебя, поговори с Катей, пусть она поднимет трубку, и выслушает меня. Я не прошу разговаривать со мной, просто выслушать. Поговори с ней, любимая!»

С сомнением взглянула на дочь, и покачала головой. Бессмысленно это. Ну начнет Виктор каяться в трубку, и? Только ему лучше и станет. А Кате? Кате станет легче? Нет, наоборот.

«Она не готова. Виктор, нужно подавать на развод. Всё наше имущество нажито в браке, я не хочу при-

влекать адвокатов. Давай решим всё мирно. Подумай, что бы ты хотел оставить себе, и что готов оставить дочери» – написала я.

Впервые я о разводе заговорила. Боже, руки дрожат, мерзнут. Больно это! Вроде бы всё просто: он предал, дочери больно сделал, и дать бы ему пинка под зад! Но десять лет! Десять, мать его, лет семейной жизни!

«Я не согласен на развод. Его не будет, Настя» – пришел ответ от Вити.

И тут же звонок от него.

– Пошел ты в задницу! – прошипела я, и добавила еще парочку слов. Хорошо что их заглушил шум воды, иначе бы дочкин лексикон обогатился.

– Коть, я пойду наверх, продолжу уборку. Присоединяйся, как скучно станет. Или мульты посмотри. Но не больше часа, правила ты знаешь, – обратилась к дочке, и быстро покинула кухню, чтобы не разреветься перед ней.

Впрочем, я вообще не собираюсь плакать, хоть и хочется. Умные люди говорят, что нельзя держать в себе эмоции, и стоит давать волю слезам. Но мне кажется, что если я расплачусь из-за Вити, то этим себя унижу. Не стоит он моих слез! И нюни распускать не время.

Мультики дочка смотреть не стала, поднялась ко мне, и принялась помогать с уборкой. Мы вместе вымыли коридор, вторую спальню, и тут я уже не выдержала:

– Кать, спальня чистая теперь. Можешь вещи свои разло-

жить, и отдыхай. Книжки почитай, мультик включи. А я с уборкой закончу, и прогуляемся, придумаем что-нибудь интересное вместе, ладно?

Дочка кивнула, и послушно отправилась в комнату. А я снова почувствовала, что ломаюсь. Нет во мне терпения. Хочу чтобы она разговаривала, капризничала, сводила меня с ума своими вопросами, которых всегда был миллион! Чтобы ныла, как все дети, что ей надоела уборка, тащила гулять, выпрашивала вкусняшки, ногами топала…

Я прислонила швабру к дверному косяку, и пошла в ванную.

– Что ты наделал, Витя? Что ты натворил? Стоило это того, а? Не мог как все твои приятели секретарш на работе пользовать? Нет, – всхлипнула я, – надо было в доме, где мы живем, закрутить! Сволочь, какая же ты сволочь…

Я тихо выплевывала проклятия, запершись в ванной. Злюсь, плачу, ненавижу! Мужа ненавижу за предательство. Себя – за то, что притащила Катю в квартиру «подруги» и не уберегла.

Катя… мужа мне хочет найти, глупенькая!

– И смех и грех, – фыркнула я истерично, и помотала головой, пытаясь в себя прийти.

Вот как, мне интересно, женщины после такого впускают в свою жизнь мужчину? Я раньше думала, что если мне изменят, то я отплачу тем же. Отомщу. А сейчас даже о легкой временной связи думать противно. А о чем-то большем

и вовсе невозможно!

Нет уж, никаких мужчин. Может, как отболит, через несколько лет я и смогу начать позволять себе романы. И то не на глазах дочери, а так, временно и на стороне. Больше никаких мужей, хватило мне, наелась, спасибочки.

– Всё, хватит! – я вытерла глаза, придирчиво рассмотрела свое отражение, и кивнула. Глаза красноватые, но в общем – нормально.

С уборкой на втором этаже я покончила через двадцать минут. Заглянула в новую спальню Кати – нет её. И в моей спальне, где мы сегодня ночевали, тоже. Ни на втором этаже, ни на первом.

– Господи, – выдохнула панически, убедившись, что Кати в доме нет. – Мамаша года, блин!

Накинула пальто, нырнула ногами в ботинки и, не застегнув ни обувь ни верхнюю одежду, выбежала на улицу.

Снегу навалило за ночь – ужас! Солнечно, и солнце от снега отражается, слепя глаза до слёз.

– Катя! – крикнула я, и приложила ладонь ко лбу, прячась от солнца, чтобы хоть что-то разглядеть в этом снежном царстве. – Ка-а-атя!

– Дочь свою ищете? Сюда! – выкрикнул мужской голос.

Я проморгалась, смахнула слезы, и сделала шаг с крыльца. Моя Катя с кем-то посторонним… а если обидят? Да нет, не стали бы меня звать тогда! Даже с моим сомнительным везением мы не могли поселиться рядом с маньяком.

Сосед, точно! Ночью же видела! Катька рядом, должно быть!

И точно. Я обошла огромный черный танк, подражающий машине. В ботинки набился снег, идти трудно, всюду не дорожки, а сугробы. Зато я дошла, и красоту свою увидела…

– Ваша? А мы решили снеговика слепить, – обратился ко мне мужчина в сером пальто.

Я то на довольную Катю смотрю, которой не помешает взбучка. Кружок из снега лепит, он уже размером с футбольный мяч. То на мужчину смотрю – высокий, остроскулый, на висках седина. И оба они улыбаются!

А я онемела от очередного стресса. Кажется, если сейчас хоть слово скажу, то следующее будет уже благим матом.

– Эй, вы в порядке? Ваша девочка вышла из дома, я окликнул. Мало ли, вдруг бы убежала куда. А так рядом, – добродушно продолжил мужчина. – Я Егор, кстати. Вчера так и не познакомились. А вы…?

– Настя, – хрипло представилась я.

– Настя, – повторил мужчина, и приблизился ко мне на шаг. – Вчера убежали из кафе, я со своей тростью догнать не смог. А сегодня смотрю – вы обе здесь! Так что, будете с нами снеговика лепить?

Вчера? Кафе? Что?

– Мам, давай лепить снеговика, – скомандовала Катя, подбежав ко мне, и потащила за руку к снежному шару пока небольшого размера. – Ой, ты без шарфа, и без шапки. Надо

одеться. И ботиночки бы застегнуть. Ма-а-ам, ну что ты как маленькая, а? Сама меня всегда заставляешь одеваться тепло, но при этом гуляешь в таком виде на улице! Мам, ты что зависла? Надо одеться! Да, дядя Егор?

– Надо.

– Мам, а круто же, что мы здесь дядю Егора встретили? Я его вчера для тебя нашла специально. Скажи же? – снова дернула меня Катя за руку.

Я подняла глаза с разболтавшейся Кати на этого Егора. И вспомнила.

– Вот так совпадение, – несмело улыбнулась я ему. – И… заранее извините.

– За что? – изогнул он бровь.

Катя, глазами полными восторга, смотрит то на меня, то на Егора. Это же тот мужчина, которого она мне сватала. Что он делает так далеко от города? Да еще и по соседству с нашим домом.

Теперь Катя точно не отстанет, Боже.

– Есть за что, просто поверьте. Вы правда хотите лепить снеговика?

– Почему нет? – пожал он плечами.

– Тогда я быстро оденусь, и присоединюсь к вам, – я махнула Кате рукой, и пошла обратно к дому, стараясь ступать по своим старым следам.

Глава 5

ЕГОР

Дом для отдыха я выбрал быстро. Критерии были простыми: подальше от цивилизации, поменьше соседей, но обязательно с хорошей связью и выходом в интернет. Сказано – сделано. Сел в машину, десять минут потратил на поиск и аренду онлайн, и отправился в путь. В квартиру по дороге заехал, конечно, чтобы вещи захватить, но что нужно мужику: пара маек, пара толстовок, пара брюк, и бельё. А все остальное можно в любом супермаркете купить.

Добрался ночью, перехватив по дороге ключ от своего убежища, и выдохнул, наконец. Мне здесь уже нравится. Тишина мертвая, соседей мало, это именно то что мне нужно.

Всё же устал я. Двенадцать лет в инвалидном кресле – то еще испытание. Было множество операций за это время, да и чтобы на ноги встать пришлось снова лечь на операционный стол. Затем долгая реабилитация, и… утомило!

Вроде и счастлив, что на ноги встал, ведь не верил я в это, даже смирился что до конца жизни буду в коляске кататься. Но получилось встать, и я должен был по всем канонам сразу пуститься во все тяжкие: клубы, девочки, полный разгул…

А я выдохся.

Еще и тётка, которая меня вырастила, насела: нужна жена, нужны дети, и как можно скорее. Вот только я себя адекватно оцениваю: тело в шрамах от многочисленных операций, трость из-за хромоты, да и возраст далеко не юный. Пара лет, и сорокет грянет. Не самый завидный жених, несмотря на то, что вроде как не бедный.

В общем, к идее своей тётки я относился скептически. Но, ложась спать в новом доме, почему-то вспомнил ту девушку из кафе, на которой мне предложила жениться её дочка. Красивая! Вроде и не яркая, не кукла, как сейчас модно, но, Боже мой, как же зацепила! Ею можно всю жизнб любоваться. А какой у неё голос! Я бы мог слушать его вечно. И, такое чувство, что много раз слышал, но где – не помню.

Жаль, что я не знаю как её зовут. А ведь побежал за ней, как малолетка, вот только не догнал из-за проклятой трости. Выскочил из кафе, и ни девушки этой, ни её дочери…

Жаль.

Впрочем, по словам девочки, её мать замужем. Что-то было про «женитесь на маме, когда она разведется», но ведь не факт что разведется, да? Сколько я знаю таких пар: поссорились, разъехались, даже о разводе говорят, но когда есть дети, развод – не всегда легкое решение. Мирятся, сходятся, и живут дальше, чаще всего как попало живут, но всё же!

Значит, не судьба. Но всё равно жаль. Уж очень зацепила.

Но днем я своим глазам не поверил!

Проснулся рано. Сначала спорт, затем завтрак, потом сел

за работу, подключившись к сети. А затем вспомнил, что я приехал отдыхать, и вышел на улицу.

И сразу увидел ребенка. Знакомую девочку, которая вышла из соседнего дома. Зрение у меня отличное, но сначала я глазам своим не поверил, а когда поверил – окликнул:

– Эй, девочка, так ты моя соседка?

Девчушка вернулась к крыльцу своего дома, и мрачновато взглянула на меня. Интересно, узнала? Может, она каждый день десятку человек свою маму сватает, мало ли какое у ребенка хобби? Я вот монеты собирал, когда мелким был, но кто знает какие сейчас увлечения у детей?

Однако, девочка заметила мою трость, и лицо её озарила улыбка. И из мрачного ребенка из фильма ужасов она превратилась в очаровательного ангелочка.

– Доктор Хаус, вы здесь? – она жизнерадостно побежала ко мне, застревая в сугробах, которые за ночь намело.

– Не Доктор Хаус, а Егор.

– Дядя Егор?

– Можно дядя, а можно просто Егор, – я поморщился от боли в колене, но присел напротив девчушки. – А тебя как зовут?

– Катя. А что вы здесь делаете?

– Отдыхать приехал.

– Мы с мамой тоже, – обрадовалась Катя. – Вчера вечером. Помните мою маму? Я вчера вас знакомила.

Я хохотнул, вспомнив это сватовство. Забавный случай,

конечно. И такое совпадение, что они здесь! Одно дело – встретиться в городе, а другое – тут, у черта на рогах.

Может, судьба?

– Вы с мамой здесь. Только с мамой? А папа? – спросил я осторожно, и тут же пожалел о вопросе.

Катя сразу нахмурилась, улыбка исчезла с её губ, и малявка опустила голову. Стоит, недовольная, ногой из стороны в сторону водит, откидывая снег.

– Не хочешь – не говори.

– Папа с нами больше не живет, – выпалила Катя. – Мама точно с ним разведется!

– Мне жаль, – осторожно пожал плечо девочки, понимая, что дети часто не принимают расставание своих родителей.

Однако, Катя смогла меня удивить.

– А мне не жаль! Я на маминой стороне! – заявила она воинственно.

Нет, нельзя лезть с расспросами. Видно, что тема болезненная. Но странно всё это. Девочки обычно отцов обожают, даже не слишком внимательных. Может… может, он их обижал?

– Я рад, что у меня теперь две такие очаровательные соседки.

– А вам понравилась моя мама? – пытливо уставился на меня ребенок, и я снова чуть не расхохотался.

Должно быть, я за эти годы многое упустил. Думал что сейчас у всех детей поголовное увлечение интернетом и соц-

сетями, но может и правда ошибался, и сейчас в тренде искать своим родителям пару?

– Понравилась, – кивнул я с улыбкой. – А где она? Ты не слишком ли мала, чтобы гулять в одиночестве?

– Мама не против. Я же рядом с домом.

– Все же, давай-ка домой, – я кивнул ей на их домик, надеясь, что сейчас покажется та самая мама, которую я половину ночи вспоминал.

– Не хочу! Может, в снежки поиграем? Или… а пойдемте к нам на чай, я приглашаю, – Катя попыталась утянуть меня за собой, но я стукнул пальцами по трости.

– Боюсь, игра в снежки пока не для меня. Ноги не самые здоровые. Да и на чай пойти не получится, вдруг твоя мама против. Так сильно не хочешь идти домой?

Малышка покачала головой, и поморщилась:

– Папа звонит постоянно, пишет. И мне и маме. Не хочу. Может, к вам пойдем чай пить? – с надеждой спросила она.

Я бы пригласил, конечно, но это плохая идея. Когда взрослый мужик приводит в дом маленького ребенка – это подозрительно выглядит, мягко говоря.

– Если твоя мама разрешит, и присоединится, то приглашу. И даже буду рад, – ответил дипломатично.

– Может, снеговика сделаем? – в голосе Кати отчаяние.

Не смог я отказать. Просто не смог.

Мы формировали снежный шар, и девочка болтала без умолка – про школу, про свою маму, имени которой я до сих

пор так и не выяснил. Катя рассказала и о том, что сейчас учится на дому, но почему так – не объяснила. Я выслушивал про её увлечение танцами, успел узнать что девочка мечтает стать журналисткой… а затем вышла её мама.

Настя.

Мы разговаривали с ней, и я любовался этой девушкой. И понять не мог: вот как так? Я и правда будто в юность вернулся. Только в пятнадцать-двадцать лет можно вот так, сходу влипнуть с первого взгляда. А мне скоро сорок, нет бухты кораблю, или как там было в «Юнона и Авось».

Настя пошла переодеваться, и я взгляда даже от её спины не мог оторвать. Я успел отметить ухоженный вид, дорогую одежду, её молодость. Критично препарировал себя: не одинокий волк, а скорее побитый жизнью пёс. Возраст, хромота, шрамы…

Но, может, есть шанс?

– Вы уже влюбились в мамочку? – рассекретила меня Катя, и подмигнула.

Отвечать наблюдательному ребенку я не стал, но… Похоже на то.

Влюбился, чтоб меня!

Глава 6

– Ну ма-а-ам, – проныла Катя.

– Не мамкай, – я обмотала ее теплым шарфом, сняла её перчатки, и надела на её ладошки более теплые.

– Жарко!

– Хочешь лепить снеговика – терпи. А то заболеешь, и проваляешься с соплями. И никаких снеговиков.

– Ладно, – пробубнила она.

– Буп, – ущипнула я дочку за носик, она возмущенно отпрыгнула от меня, и пошла к нашему соседу.

К Егору.

А я запрыгать от радости готова – моя Котька говорит! Нет, даже не говорит, а болтает! Вон, крутится вокруг этого мужика, рот не закрывается. Немного обидно, что я вчера чуть ли не силой выдавила из дочери пару предложение, тогда как с чужаком она за милую душу беседы ведет.

Но… пусть! Пусть так! Зато сейчас я смотрю на своего ребенка и, наконец, узнаю её прежнюю! И это такое счастье, что мне плевать на правила приличия.

Раньше если бы Катя так доставала вопросами чужого человека, я, как любая мать, извинилась бы, и попросила дочку вести себя прилично, и не мешать человеку. Но сейчас мне на эту вежливость категорически наплевать!

– Прости, мужик, придется тебе терпеть, раз с тобой моя Котька желает общаться, – тихо пропела я себе под нос, любуясь жизнерадостной дочкой.

– Мам, а ты чего стоишь? – Катя отвлеклась от нашего соседа.

– А чем мне еще заниматься?

– В снеговике три шара. Нас тоже трое, – подсказала дочь. – Я леплю средний, дядя Егор – самый большой, нижний.

– А вы, Настя, лепите голову, – подмигнул мне Егор.

– Я? – ткнула я себя ладонью в грудь.

Боже, да я снеговика лепила… а когда я его лепила-то? Классе во втором, наверное, и то быстро утомилась. Скучно мне стало, и я побежала искать новое занятие, бросив один шар от снеговика. Помнится, до весны у нас во дворе он стоял. Последним растаял, уже грязный лежал посреди участка, как немой укор моей непоседливости.

– Ты! Мам, тебе же самый маленький нужно слепить, – топнула Котька ногой.

– Да, присоединяйтесь-ка к нам.

– Давайте я буду в роли чирлидера: группа поддержки и ваше вдохновение, а? – предложила, надеясь отказаться от этого сомнительного занятия.

– Ну ма-а-ам, – надулась Катя, и дернула Егора за рукав: – Скажите ей!

– Говорю: присоединяйтесь, – мужчина как-то по-добро-

му мне улыбнулся. – А то несправедливо получится: мы работаем, а вы – отдыхаете. Давайте, Настя, покажите ребенку пример. Или вы не справитесь с задачей слепить шар?

– Я не справлюсь? Я? Пф, – я достала из кармана свои утепленные перчатки, надела их, и принялась за лепку.

Так, ну и как это сделать?

– Хм, – я слепила снежок, наклонилась, сгребла еще снега, и принялась формировать шар побольше, прислушиваясь к трепу за спиной.

Катька, молчавшая месяц, дорвалась, и устроила настоящий допрос. И мне бы его остановить, конечно, но… нет! Пусть меня сосед плохой матерью считает, пусть думает что я ращу нахалку, но дочку я больше в жизни не стану затыкать!

– А кем вы работаете? – прощебетала Катя.

– У меня свой бизнес в сфере айти.

– С компьютерами работаете?

– Можно и так сказать.

– А сколько вы зарабатываете? – выдала Катька.

Я фыркнула. Смотрим мы одного интервьюера на Ютюбе, Катя видимо у него коронный вопрос и позаимствовала.

– Не бедствую.

– А точнее? – надавила Катя.

Я обернулась, и скорчила прошупрощебное выражение лица, на что сосед только хохотнул.

– Назвать сумму? – спросил он.

– Было бы неплохо.

– Ладно, – он наклонился, и прошептал что-то Катьке на ухо.

Это недостойно взрослой женщины, но во мне взыграло любопытство пополам с возмущением – а что это он Кате говорит о заработке, а во всеуслышанье, чтобы и я узнала – нет?!

– Что за секретики? – подала я голос, и дочка взглянула на меня самодовольно.

– Тебе дядя Егор если захочет – скажет сам, мам. Лепи давай.

Вот зараза, а!

– А своя квартира у вас есть?

– Есть.

– А сколько комнат?

– Три.

– Всего-то? – возмутилась Катя, и я прикусила губу, чтобы не расхохотаться.

Еще несколько вопросов, и мне придется прекратить это безобразие.

– Я один живу, ребёнок. Когда нет жены и детей, скажу уж как есть, мужику хватает шалаша, а у меня – трешка.

– Значит, детей у вас нет. А жена была?

– Катя, – покачала я головой. – Хватит. Простите, Егор.

– Ничего. Жены нет и не было.

– А почему не было?

– Катя! – надавила я.

– Не до того было, – ответил моей дочке Егор.

– А…

– Кать, лучше расскажи нам о своих одноклассниках! – прервала я отбившуюся от рук дочь. – Катя, кстати, сейчас на домашнем обучении. Но раз уж заговорила, то в январе можно вернуться в школу. Да, Кать?

Катя пожала плечами, и снова дернула Егора за рукав.

– Дядя Егор, покажите маме, как нужно шар катать. А то снеговик у нас будет безголовый.

Егор оставил свой шар, подошел к моему позорному мутанту-снежку, и принялся катать его по снегу.

– Вот так. Катайте, снег налипнет сам. Может, на ты перейдем? – спросил он тихо, и я кивнула. – Ты говорила что Катя на домашнем обучении, и что-то о том, что она заговорила. О чем это ты, если не секрет?

– Не секрет, – ответила я полушепотом. – Во-первых, я извиниться хотела, что дочке позволила такие вопросы задавать. Не решалась я осадить её. Катя молчала месяц. Почему молчала я не хочу говорить, это…

– Личное?

– Да, – поморщилась я. – Личное и неприятное. Со мной дочка не говорила до вчерашнего вечера. Вчера вытащила из нее пару слов, и всё. Но с тобой, – я пожала плечами, недоумевая, чем же привлек Егор мою дочь, – сам видишь – болтает, не в силах замолчать. Потому она и на домашнем обу-

чении, кстати. Перешла во второй класс, поучилась, а потом замолчала. Пришлось самой взяться за её обучение.

– И как? – Егор перекатил свой шар поближе к моему.

– Программу второго класса я осиливаю, – поделилась я. – Тяжеловато, конечно, в тишине учить ребенка. Но те же четверостишия, которые она должна наизусть учить и читать, я разрешаю ей записывать по памяти. Так и проверяю знания, которые она должна заучивать. Справляюсь. Но надеюсь, тишина позади. И, кажется, благодаря тебе.

– Ты мне льстишь, – сосед улыбнулся так обаятельно, что я забыла на мгновение про снежный шар.

Егор симпатичный, конечно, но я на радио работаю, и работаю давно. Потому знакома со многими селебрити. В тусовке редко можно встретить некрасивых людей. То есть, прививка у меня есть, и на внешность я не ведусь лет с двадцати.

Но в этом мужчине… нет, я не влюбилась, едва ли я сейчас вообще не это способна, сердце еще кровоточит, но я не могу не заметить, что в Егоре есть не только внешность. Есть самое главное – обаяние и, пожалуй, доброта.

От доброты я отвыкла еще в детстве, наверное. Мужчины этого качества обычно стесняются. Рисуются бэд-боями, или выпячивают цинизм. А добро если в них и есть, то они тщательно его скрывают за ухмылками и раздевающими взглядами, к которым я тоже привыкла.

А этот мужчина… непривычный, пожалуй. Да, именно

непривычный для меня, не вписывается он в ту картину окружения, которое я долгие годы видела рядом с собой.

Может, у меня обморожение? Или я на зимнем солнышке перегрелась? Или меня так пришибло радостью за дочь, что я делаю такие выводы о незнакомом мужчине после получаса общения?

Нет, – подумала я, глядя в его глаза. Мне это точно не мерещится. Мы с Катей встретили хорошего человека, который, возможно, станет нашим другом.

– Еще немного, и голова будет готова. Пойду Кате помогу, – сказал Егор.

Катя обрадовалась помощи, вместе они долепили шар, а затем мы, посмеиваясь, слепили все запчасти в одно целое.

– Так, нужны глаза и нос. Угольки и морковь, да?

– Еще ведро бы, – сказала я.

– А давайте слепим снеговику снежную бабу и маленького снеговичка, а? – предложила Катя.

Мы с Егором переглянулись. Я уже было хотела переключить Катю на что-то другое, ведь как бы я ни дорожила тем, что мой ребенок заговорил, границы нужно видеть. Егор сюда приехал отдыхать, у него могут быть иные интересы. Да и добрый он, это я уже поняла. А добрые люди редко могут отказать, оттого им на шею и садятся такие вот наглые девочки, как моя Катя.

– Кать… – начала я, но Егор покачал головой, намекая мне, чтобы я замолчала.

– Предлагаю вот что: мы заходим в дом, пьем чай, греемся. Затем я найду бутафорию для снеговика, доделаем его, а то бедолага без лица стоит. И подумаем – готов ли он к тому, что к нему присоединится снежная баба, или снеговик останется гордым одиночкой. Ну как вам мое предложение?

Мужчина кивнул на свой дом, но я вспомнила о гостеприимстве. И, что не маловажно, о том, что обычно, каким бы мужик не был добрым и обаятельным, обычно у них у всех ничего нет к чаю, а в холодильнике из продуктов только майонез и покупные пельмени.

– А давай лучше ты к нам. У нас с Катей и чай, и кофе, и горячий шоколад. Да и пообедать бы не помешало. Приглашаем к столу, – я несколько смутилась, но не отступила от идеи отблагодарить Егора за состояние моей дочери, пусть бы и таким пустяком как обед.

Он не стал отказываться. И, опираясь на трость, пошел вместе с нами к дому.

– Мам, он классный, – прошептала Катя, но так громко, что её, я уверена, Егор услышал. – Скажи же, да?

Спорить я не стала. Классный, да.

Какой-то женщине точно повезет встретить этого мужчину.

Глава 7

– Кать…

Молчит.

– Котька, давай фильм посмотрим?

Кивок, и… тишина в ответ.

– Или погуляем? – не отстаю я.

Дочка пожала плечами, а я кулаки сжала под столом. Достало! Дерьмовая я мамаша, но терпение моё истончается. Иногда… черт, иногда, особенно сегодня, мне дочку встряхнуть охота!

– Кать, почему опять молчим, а? Вчера вон как бодро болтала, прям фонтан красноречия. Ка-а-ать, ну что опять не так?

Дочка вздохнула, но не ответила.

Психолог говорила, что дочка не издевалась надо мной, когда молчала. Она правда не могла говорить из-за стресса. Но еще дело в том, что хоть Катька меня и не винит в крахе семьи, подсознательно она винит меня в том, что я её не защитила.

Потому и не готова была говорить.

Но заговорила же! Причем не пару фраз она выдала, а трындела целый день.

Сейчас-то почему молчит? Манипулирует? Издевается?

Боже, дай мне сил не отвесить оплеуху своей дочурке…

– Кать, что не так? Ты обиделась на меня? Или… я не понимаю, – всплеснула я руками. – Почему с чужим человеком ты готова говорить, а со мной нет? Ты можешь хоть слово мне ответить, а? Или напиши, если я недостойна того, чтобы твой голос услышать, – невольно повысила я голос.

Катькины губы задрожали, она бросила кухонное полотенце на стол, и выбежала из комнаты. И ответил мне топот её ног по деревянной лестнице, ведущей на первый этаж.

– Катька, извини, – выкрикнула я, встала, хотела пойти за ней, но с выдохом плюхнулась обратно на стул. – Уф, когда это всё закончится? Я же думала, что всё наладилось… дьявол!

Нет, не могу я идти сейчас к дочери и извиняться за окрик, нервы на пределе.

А вчера… вчера всё было классно, мне впервые за этот месяц было по-настоящему весело. Мы слепили снеговика, пообедали, затем вернулись к нашим зимним инсталляциям, и доделали снеговику бабу и ребенка. Продвинули семейные ценности, так сказать, а то нефиг снеговику быть вольным одиночкой! Затем мы снова перекусили, и даже посмотрели с Катькой мульт.

Егор всё это время был с нами, и я нарадоваться не могла – Катя была оживленной. Буквально успокоиться не могла: болтала, моталась с первого этажа на второй, и обратно, притаскивая Егору свои награды, хвастаясь ими, и треща без

умолку.

А я-то губу раскатала, угу. Думала: ну всё, намолчалость моё дитятко, больше не будет меланхолии и тишины.

И наступило утро. А с ним и тишина от Котьки.

Вот у меня и сдали нервишки.

– Дыши, – скомандовала я себе, хотя завизжать готова от оглушающей тишины в доме. Такая тишина, что аж в ушах звенит. – Дыши, Настя, скоро всё наладится, просто дыши!

Может, аутотренинг бы и помог, но подействовать он не успел. Мой телефон завибрировал.

– Ох, мать твою, что тебе надо, – пробормотала я, и приняла вызов: – Да.

– Привет, милая, – несколько удивленно поздоровался муж. – Ты… вы там как?

– Волки пока нас не сожрали, – рявкнула я. – Слушай, вот что ты не отстанешь, а?

– В смысле?

– В коромысле! Я тебе говорила, как на Катю действуют твои звонки? А я? Я, как думаешь, хочу с тобой беседы вести? – прошипела я в трубку, а внутри всё клокочет от ярости. – Как тебе идея отстать от нас?

– То есть, я должен забыть что у меня жена есть и ребенок, так, да? – муж тоже зашипел гадюкой. – Ты же сама мне говорила, что презираешь таких мужиков, которые детей своих кидают. Говорила? Говорила. Я что мразь по-твоему, которая может про дочь забыть, и забить на неё?

– А разве ты не это сделал? – хмыкнула я.

– Я ОШИБСЯ, ТВОЮ МАТЬ! – заорал он дурниной. – Ошибся! Меня что теперь на костре нужно сжечь? Камнями закидать? Я. Просто. Ошибся. И я имею право звонить своей дочери, и напоминать, что у нее есть папа, который её любит, поняла?

– Катю сейчас в покое нужно оставить, хренов ты эгоист. Звонками своими и сообщениями совесть пытаешься облегчить? А о Кате ты подумал, любящий папочка, а? Подумал ты о ребенке? Она после твоих сообщений сама не своя, напоминальщик фигов. Неужели сложно дать ей время? Или мне отобрать у дочери телефон, чтобы ты ее не доставал?

– Как ты меня … – рыкнул муж. – Так и знал, что ты Катю против меня настраиваешь!

– Ты как со мной разговариваешь? Иди, и Натали матом крой, – холодно осадила я Виктора.

Никогда он себе такого не позволял. Ссоры были, особенно в самом начале, когда мы притирались друг к другу, но я сумела себя поставить так, что мат и оскорбления – это табу для нашей пары.

Табу, да. В прошлом, как я понимаю.

– Извини, – сдулся Виктор, помолчав. – Я… блин, я просто из себя вышел. Ты трубку раз в год берешь, Катя вообще не отвечает ни на звонки, ни на сообщения. А ты как ответишь, так сразу скандал. Я тоже человек, знаешь ли.

– Знаешь ли, – повторила я, – и я человек! Нет у меня же-

лания с Иудой беседы вести. Фотографии дочки я тебе скидываю, описываю как наш день прошел. Мне легко это, как думаешь? И Катьке я тебя рекламирую, мёдом твой образ поливаю. Вить, мне это легко по-твоему? Представь, что это я тебе изменила, и тебе приходится ребёнка на ноги ставить, да еще и говорить дочери, какая мать хорошая. Представил? Вот и постарайся не свою совесть облегчить своими звонками и сообщениями никчемными, а нам помочь. Катю в покое оставь, как готова будет – вернете общение, я препятствовать не стану. И мне не названивай, итак тошно. А лучше… Вить, завтра я Катю везу в город на прием, буду договариваться насчет онлайн сессий с психологом. В общем, я в городе буду. Давай-ка на развод подадим.

– Развода не будет.

– Будет, – разозлилась я. – И либо мы это сделаем быстро и не конфликтуя, либо я обращусь в суд. Но развод, Витя, будет.

– Это мы еще посмотрим, – выпалил он. – Я тебя люблю, у нас ребенок, развод – это бред. Я ошибся один раз, и мы можем все наладить. Семейная терапия, совместный отдых… Насть, не глупи.

– Это не глупость, это решение.

– Это тупое решение. Тебе тридцатник, кому ты нужна-то будешь, да еще и с прицепом? А я тебя люблю, между прочим, – выдал Витя.

Я как рыба открыла рот, закрыла, снова открыла, чтобы

ответить ему на эту мерзость. Обычно отсутствием красноречия я не страдаю, да и словарный запас у меня неплохой, но тут… тут мне сказать нечего. И я просто нажала на отбой.

Тридцатник… кому нужна… прицеп…

Это Катя – прицеп?

А с чего Витя вообще решил, что для счастья мне нужны мужские подштанники, лежащие на полке шкафа? С чего он вообще решил, что я еще раз рискну? С чего взял, что буду искать кого-то, если я уже наелась отношений, и прогорела?

Идиот, Господи прости!

И Катьку прицепом назвал… да она золото у меня!

Руки дрожат от гнева, сердце бахает. Может, у меня инфаркт?

Я бросила телефон на кушетку, и поднялась к Кате.

– Коть, ты извини меня. Я просто очень хочу разговаривать с тобой, вот и не сдержалась, – дрожащим от отголосков ярости голосом начала я. – Кать, ну чего ты тут сидишь одна как бука? Фильм будем смотреть? Или прогуляемся? Или…

– Пойдем в гости к дяде Егору, – тихо произнесла Катя.

И это прозвучало не как вопрос. И даже не как просьба. А как констатация факта.

Манипуляция это или нет – мне уже плевать.

– К Егору, так к Егору, – кивнула я, и Катька, улыбаясь, соскочила с кровати. – Одевайся, котик, только у Егора могут быть свои дела. Учти это. И если я увижу, что мы не ко двору, надоедать соседу мы не станем. Извинимся, и уйдем,

а потом можешь обижаться на меня.

– Он обрадуется нам, мам. Честно. Вчера так хорошо было, да? И сегодня тоже будет. Я сейчас, я быстренько оденусь, и мы пойдем. И ты бы, мам, подкрасилась, что ли, – Катя окинула меня придирчивым взглядом, достойным моей пятидесятилетней тётушки, но никак не восьмилетней девчушки. – Прическу сделай, губы накрась. Платье бы еще…

– Так, – оборвала я эту фэшн-гуру хлопком в ладоши, – Егор переживет, если я приду в гости страшненькой. Он мужик взрослый, видел вещи и похуже, чем женщина без макияжа.

Катя прыснула от смеха, и продолжила натягивать шерстяное платье. Задом-наперед, торопыга.

– Горе луковое, дай помогу, – я подошла к Кате, и потянула за платье, возвращая вырез на место. – Колготки не забудь, жду тебя внизу.

– Пирог возьми для дяди Егора. Тогда точно не прогонит нас, – дала мне напутствие дочка.

Я, качая головой и посмеиваясь, спустилась вниз, и послушно подошла к холодильнику… да, за пирогом.

А то прогонит еще нас.

– И от кого Катя нахваталась этих советов? – хихикнула я, оборачивая вишневый пирог фольгой.

Глава 8

КАТЯ

Я оделась. Покрутилась у зеркала, которое встроено в оборотную дверцу старого шкафа. Мама сказала, что шкаф этот Чехословацкий, и бабуля за ним гонялась. Шикарная мебель для своего времени.

Маме не нравится такая мебель. Мама вообще не понимает, почему мы не полетели на отдых.

А мне здесь понравилось! Да, не как дома, где светлый пол, дорогая обивка у мебели, и бельё с монограммами. Здесь даже лучше! Пол деревянный, поскрипывает при каждом шаге. И шкаф скрипит, и двери.

Я встала на носочки, опустилась на пятки, и снова на носочки встала, прислушиваясь к скрипу дерева под ногами.

Нра-вит-ся! Мне вообще нравится в последнее время слушать – птиц, звук шагов, скрип мебели. Я слушаю, и не вспоминаю о папе.

Уютно здесь! И в доме, и за его пределами.

Ой, мама!

Вспомнила, взглянула еще раз в зеркало, и вышла из комнаты. Хм, мама наверное так и не накрасилась, а это не дело. Раньше она всегда с макияжем ходила. Я даже с ней у стили-

ста была, мама разрешила побыть с ней. И я знаю про дневной, вечерний, домашний, офисный макияж. Знаю и про парфюм: на лето и на зиму они по этикету должны быть разными.

Мама всё это соблюдала, а сейчас позволяет себе ходить без косметики, да еще и скрутив волосы в неаккуратную шишечку. Мама и так самая красивая, даже без прически, косметики и парфюма, но я-то знаю, почему она перестала всем этим пользоваться.

Потому что маме плохо.

Вниз я спустилась с маминой косметичкой и духами, и помахала этим добром перед ней.

– Коть, – покачала она головой.

А я кивнула. Так надо, мама!

– Снова жестами общаемся? – в глазах мамы грусть.

Нужно собраться. Маме важно, чтобы я говорила. Но я боюсь! Начинала говорить, и задыхалась, сразу плакать хотелось. А когда молчу – слёз нет, я не расплачусь, и маме не будет больно.

– Котька…

– Давай накрасимся, – выдавила я через силу.

И мама в очередной раз обрадовалась что я говорю! Я не могу объяснить ей свое молчание, она огорчится еще сильнее. Нужно постараться разговаривать с ней… и не плакать!

– Ладно, но только губы. И не помадой, а блеском. Накрасишь? – мама села на стул, подставляя лицо под макияж.

Я кивнула, и мама обхватила мое запястье, останавливая.

– Кать, раз начала говорить, то не кивай, пожалуйста, а отвечай словами. С Егором же ты говоришь! Я тоже хочу твой голос слышать!

– Хорошо, – ответила я.

– И все же, почему с Егором ты болтаешь, а со мной, с психологом – нет? Почему, Котька?

Я пожала плечами, и открутила крышечку от персикового блеска для губ.

Психолог напоминает про папу. Мама напоминает про папу. Даже когда они говорят не о нем, а обо мне – напоминают, и мне хочется плакать. А дядя Егор – не напоминает. И при нём мне легко говорить. При нём я не могу молчать.

Но это тоже маме не объяснить. Она расстроится. Может, даже, плакать будет ночью. Мама думает, что я не слышу, но я не ребёнок уже. Слышу. И понимаю.

– Ну как? – мама улыбнулась мне.

Я достала тушь, и протянула ей.

– Мы на блеск договаривались. Сейчас еще контурирование меня заставишь делать, да, Катенок? Думаешь, дядя Егор, если меня без макияжа увидит, перекрестится, и пожелает сгинуть нечистой силе?

– Хи, – прыснула я от смеха.

Мама ущипнула меня за нос, встала, и подошла к маленькому зеркальцу рядом со шкафом. И начала красить глаза.

– Можешь моим блеском воспользоваться. Ты же любишь.

Только немного, – разрешила она.

Я достала палетку маминых теней, там зеркальце есть, и принялась красить губы.

Мама начала шутить. Наконец-то! Вообще, она у меня крутая! На радио работает ведущей, и хвасталась рейтингами – сейчас же все в интернете, радио в основном пожилые слушают, но мамины программы и подкасты любят все. Из-за красивого голоса и из-за юмора. Ей даже отпуск с трудом дали, я слышала как она его выбивала, и грозилась вообще уволиться. Только поэтому и отпустили – знают, что маму давно зовут снимать ролики с интервью.

Может, уговорить маму уволиться, и быть блогером? Её и так знают, а так вообще звездой станет. И папа поймёт, как ошибался! Увидит маму на красной дорожке или в рекламе, и обязательно рядом с красивым мужчиной. С дядей Егором, например. И пожалеет!

– Теперь твоя душенька довольна, модница ты моя? – мама обернулась ко мне, и смешно захлопала ресницами, надув при этом губы.

Я покачала головой, и подошла к маме. Потянула ее за майку, но мама не поддалась.

– Попроси словами, Кать.

Не могу сейчас говорить! Вспомнила! Расплачусь же, и никуда мы тогда не пойдем. Я буду плакать, мама будет меня утешать, и тоже плакать. И никакого дяди Егора…

Я дернула за мамину одежду еще раз, и еще. Мама не под-

дается. А я ей волосы хочу распустить, но для этого нужно чтобы мама наклонилась.

– Словами, Екатерина! – повторила мама.

Я ногой топнула от злости. Но плакать, вроде, передумала.

– Наклонись, мам. У тебя на голове какашка.

– Это дулька.

– Это ужас, – скривилась я, но мама присела, и позволила мне снять резинку, и распушить её волосы. – Вот так! Теперь берем пирог, и идем к дяде Егору.

– Идем. При нем хоть мне не приходится выбивать из тебя слова, – со вздохом заметила мама, и пошла в коридор.

Оделась, взяла пирог с кухонного стола, и снова пошла в коридор, махнув мне рукой:

– Идём, Котька! Кто ходит в гости по утрам, тот поступает мудро, – пропела она. – Хотя, я бы утренних непрошенных гостей прогнала или сделала вид, что никого нет дома.

– Дядя Егор будет нам рад!

– Уверена? – спросила мама, обуваясь.

– Да!

А как иначе-то? Это же мы! Как нам можно не радоваться?!

Глава 9

ЕГОР

– Мы точно не помешаем? – спросила Настя, разуваясь.

А девчушка такими вопросами не заморачивается. Скинула обувь, и уже вовсю изучает дом.

– Точно. Я рад, что вы пришли в гости.

Я и правда рад. Сидел, гадал как поступить: подкараулить Настю якобы случайно, или нагло прийти к ней? Навязываться не хотелось, и я пришел к выводу, что придется как подростку сидеть у окна, и ждать, когда она покажется на улице, чтобы выйти к ней. Случайная встреча, да-да.

И тут она сама пришла ко мне.

С Катей и с пирогом. Вишневым, м-м-м!

Еще и смущается, что не ко двору, глупая. Ох и нравится мне Настя! Вот только… черт, лет мне уже немало, но за годы своего бессилия я разучился с женщинами себя вести. С медсестрами, врачами, женами братьев – умею, с детьми – тоже, благо племянницы у меня есть, натренировался.

А вот как флиртовать? Как понравиться шикарной женщине? Позорище, конечно, но я разучился.

Сходу её цветы подарить? Украшение? Или это пока слишком?

Ей Богу, хоть на курсы пикапа записывайся! Помню, во время реабилитации слушал я радио, и в одном подкасте, на который я подсел, ведущая смеялась – к ней на заправке прыщавый паренёк прилип, отрабатывая навыки пикапа, и соблазнял пожухлой розой «сравнимой с её щечками», и предлагал купить шоколадку и кофе, чтобы познакомиться поближе. А за этим парнем стоял его куратор, делающий вид, что он просто мимо проходящий, и вообще незнаком с этим парнем. А затем отчитал за ошибки. Ведущая беззлобно обсмеяла их, и попросила звонить, и делиться своими историями такого вот горе-пикапа.

– Чем занимались, пока мы с Катей не приперлись?

– Вроде, мы на ты перешли, – напомнил я.

– Точно. Так чем занимался? – смущенно улыбнулась Настя.

Вообще, разрабатывал план пикапа, и параллельно с этим делал гимнастику. Десять неполных приседаний – и здравствуй, одышка. Нет, в таком признаваться нельзя!

Впрочем, Настя повела носом, явно унюхав что я слегка вспотел. Черт, да я – великий соблазнитель! Хромой, шрамированный, вонючий. Мечта, а не мужик, а!

– С ногами проблемы, продолжаю реабилитацию, – пояснил я. – Пахнет, да? Вспотел немного. Вы пока располагайтесь с Катей в гостиной, а я ополоснусь.

– Нет-нет, запах приятный, не нужно, – выпалила Настя, и… покраснела.

Боже, женщины еще не разучились краснеть, оказывается! И… я приятно пахну?

– Кхм, спасибо, – я и сам смутился, нет, ну точно мне нужны курсы пикапа.

– А как проходит реабилитация? Чем приходится заниматься?

– О-о-о, это почти бодибилдинг! Тяжелая атлетика во всей красе! – хохотнул я, проходя за Настей в гостиную. – Я дошел до восьми приседаний без особого напряжения, дальше – тяжело, но сегодня «выжал» десять. До приседаний делал упражнение: лежал на коврике, и поднимал ноги под углом девяносто градусов. Аж пятнадцать раз!

– Вау, – поддержала меня Настя, и даже подмигнула: – Спортивные парни – это круто!

– Скоро я стану еще круче. Знаешь про скандинавскую ходьбу?

– Это та, которой старички занимаются? Ходят по парку с лыжными палками, да?

– Да. И скоро в их рядах ожидается подкрепление.

– В твоем лице? – улыбнулась Настя, и я развел руками, мол, виноват.

– Мой реабилитолог настаивает.

– Идемте есть пирог! – позвала нас деловая Катя, и я с удивлением отметил, что девочка его нарезала, разложила по тарелкам, и даже чай успела налить.

Хозяйственная девчушка.

Любопытство не красит, я уже лет пятнадцать не страдаю эти недостатком. Но сейчас вдруг взыграло. Почему девочка, имея отца, ищет матери нового мужа. Настя явно пока не в разводе. Кольцо сняла, конечно, но совсем недавно – полоска незагорелой кожи еще выделяется на безымянном пальце.

И вообще, что у них за муж и отец такой?! Даже если ссора, даже если развод, какого черта он допустил, чтобы слабая женщина и маленькая девочка уехали в глушь? Это небезопасно! Помню я родительскую дачу, куда мы только летом ездили. А зимой туда вечно кто-то забирался, разбив окно. И в первый приезд летом мы занимались уборкой.

Я бы точно не отпустил жену с ребенком чёрте куда. Мало ли какой псих в дом вломится, что они смогут сделать?

– А вы надолго сюда? – спросила Катя, и добавила на мою тарелку еще кусок пирога. – Мы с мамой на три месяца.

Хм, на три? Я не планировал так долго оставаться здесь, но раз уж Настя здесь, то…

– Я примерно также – месяца на три.

– Круто! Мам, ты рада?

– Я… да, конечно, – вежливо улыбнулась Настя.

– Дядя Егор, а завтра вы чем будете заниматься? Может, все вместе день проведем? – еще больше оживилась Катя.

Я хотел согласиться, но Настя покачала головой.

– Завтра мы едем в город. Кать, у тебя прием, да и у меня дела.

– Какие?

– Важные, – осадила Настя дочку.

– На развод подаешь, да?

– Катя!

– А что я такого спросила? – вскинулась девочка. – Давно надо! Я слышала твой разговор с этим…

– С твоим папой, а не с этим. Хватит об этом! И вообще, если тебе так интересно, то завтра у меня такие дела: нужно заглянуть на работу, и записать рекламу. Отпуск в моем случае – весьма условное понятие.

Катя надулась. Настя смутилась, поглядывает на меня виновато – явно неудобно ей, что дочка взялась поучать её на тему развода. И все же, что такого могло случиться в их семье? Обычно дети истерят, если между родителями разлад. Да и девочки больше к отцам привязаны. Странно…

– Хм, реклама? – спросил я, чтобы мои гостьи перестали делать вид, что незнакомы друг с другом.

– Ой, мама же у меня супер-крутая. Она ведущая на радио. На «Серебро-ФМ», слышали про такое? – залопотала Катя. – Давно уже! Мам, ты же еще студенткой там начала вести какую-то ночную программу, да? Точно, да. А потом маме добавили эфирного времени, когда поняли, какая она, и…

Я смотрел, как Катя говорит, кивал. И понял, наконец, почему Настин голос мне так знаком. Я её слушал несколько лет!

Помню, как отходил после операции, которая вернула мне

возможность ходить. В Штатах делали. По родной речи скучал дико, лежал в палате, и ни фильм не хотел смотреть, ни музыку слушать. Хотелось услышать родной язык «в процессе». Начал искать в интернете новостной канал, но по ошибке зашел на сайт радиостанции.

Серебро-ФМ, да. И наткнулся на Настину программу. Первое, что услышал – её смех. Потому и залип, наверное.

И в Штатах, и в Германии, и когда на Родину вернулся – заслушивался программами, которые Настя вела. Иногда она целый день была в эфире, иногда были другие ведущие, и я скучал.

Так это странно и дико: мои родственники думают, что это они помогли мне пережить период реабилитации. Но это Настя мне помогла. Её голос, её юмор, её смех, её разговоры с радиослушателями. Песни, которые она объявляла, я добавлял в свой плей-лист.

Одно время планировал встать на ноги, и найти её. Но встал, оценил хромоту, шрамы, и передумал.

И вот – она здесь.

Я чертов фанат, да!

– … вот такая у меня мама! – закончила свою речь Катя, и напыжилась от гордости.

А Настя рассмеялась:

– Вот хвастушка. Прости, Егор. Но, дьявол, я рада что мой ребенок гордится мной!

– Есть чем гордиться. Насть, так вы завтра в город, да? –

спросил, и она кивнула. – Помнишь, я говорил тебе про скандинавскую ходьбу? Мне тоже нужно в город, чтобы снарягу купить. Предлагаю выехать вместе, я вас отвезу.

– Спасибо, но я ведь тоже на машине.

– Твоя машина… Настя, прости, но она не очень надежная. Ехать долго, зима, холодно. А если заглохнете? Если связи не будет? Места-то дикие, а ты с ребенком, – начал я вкрадчиво. – Мою же машину ты видела – надежнее не придумаешь! Я еду в город, ты едешь… почему бы нам не объединиться?

– Давайте, дядя Егор! – обрадовалась Катя.

Настя же прикусила губу, и потянулась ко мне.

– Катя говорила про развод. Егор, у меня завтра и правда много дел, не будете же вы меня как извозчик катать целый день: мне нужно к юристу, обсудить вероятность развода через суд, затем на работу, у Кати приём у психолога, – прошептала она.

– Мне нравится твоя компания, – сказал ей, сбросив с лица маску вежливости, и приоткрыв то, что… да, думаю о ней, как мужчина о женщине.

И Настя это увидела.

Ну же, соглашайся! Если откажет – это не конец света, но если согласится – это аванс с её стороны.

– М-м-м, хорошо, Егор. Если тебя не затруднит, то мы с Катей поедем с тобой, – чуть испуганно согласилась Настя.

Но главное – согласилась после того, как поняла, что она

интересует меня не как друг, а как женщина. И на эту поездку у меня большие планы!

Глава 10

НАСТЯ

– Зима началась рано, и уже надоела? Соскучились по солнцу, но отпуск нескоро? Есть выход: соки со вкусом лета! Только в магазинах «Четверочка», и всегда по сто девяносто девять рублей, – пропела я сладким, поставленным голосом. – Хотите всегда быть в тонусе, и любить жизнь также, как я? «Вкусы лета», рекомендую!

– Еще дубль. Осторожнее с буквой «с», Насть. И плавнее, мягче, ок?

– Ок, – кивнула, глотнула воды, и принялась за второй дубль записи рекламы для наших спонсоров.

Егор смотрит на обычную запись рекламы, как на чудо.

Разумеется, я пригласила его в студию. Он подвез нас с Катей в город, развлекал мою молчунью беседами. Я зашла вместе с дочкой к психологу, и сделала внушение, чтобы больше без побегов.

А потом пригласила Егора на запись. На радио всегда проходной двор: здесь и Катька часто бывала, даже одноклассники её приходили с учительницей на экскурсию, которую я организовала. И муж был, да…

Теперь вот Егор. Я почему-то уверена была, что он отка-

жется. Я и предложила-то со мной пойти из вежливости, а он взял, и согласился. Теперь стоит, и слушает, как я в пятый раз зачитываю текст.

– Супер! Обработаем, наложим музыку, одобрим, и на днях пустим в эфир. Всё, Настя, можешь продолжать отпуск. Но будь на связи, сама понимаешь.

– Ладно. Сегодня быстро. Думала, дольше будем записывать, – я отошла от микрофона.

– Ты молодец. Хвалю!

– Похвалу жду на банковскую карту, – подмигнула я начальству, и вышла к Егору. – Ну как, интересно было?

– Я уж точно не скучал. Ты профи, Настя.

Мужчина произнес это с восхищением. Понимаю, я не спасаю жизни, не занимаюсь чем-то общественно-важным, чтобы восхищаться моей работой, но… приятно! Мне просто по-человечески приятна похвала от симпатичного мужчины.

А еще мне приятен его интерес. Я не собираюсь флиртовать с Егором, к отношениям я не готова, но как же мне нравится мысль, что я привлекательна! И что я, если мне в голову взбредет, вольна впустить в свою жизнь и постель другого.

– Ну что, за палками для ходьбы?

– Едем, – кивнул Егор.

Мы вышли на парковку, и мужчина открыл передо мной дверь авто. Мелочь, но тоже дико приятная.

Снова вспомнился муж. Испугался видеть мое лицо всю

жизнь. Напрягся, что годы уходят, и только одна женщина рядом, и на всю жизнь. И накосячил. Но почему мужчины думают, что у нас нет желаний? Я тоже живая! И за мной много раз ухаживали весьма достойные мужчины, даже когда я замуж вышла. Глаза у меня есть, и оценить привлекательного мужика я в состоянии. Я даже в состоянии была почувствовать влечение к другому. И я чувствовала. Но всегда обрубала это на корню. Потому что муж был, которому я в верности клялась. Семья. Значит, я любила мужа сильнее, чем он меня? Или я просто решила не поддаваться соблазнам? А они были! И немало!

Может, зря не поддавалась? Не было бы так обидно. Всё же, справедливее, когда рога носят оба учредителя семейной ячейки общества. Кто знает, только ли с Наташей мне Витя изменял?

Сволочь, – подумала я, снова разозлившись. – Ну решил изменить, так почему с соседкой? Неужели сложно было на стороне женщину найти? Или он меня за дурочку считал, которая и не узнает никогда? Впрочем, я бы и не узнала, если бы не вломилась в квартиру Наташи.

– Что-то не так? – поинтересовался Егор.

– Прости, ты что-то сказал?

– Нет. Просто заметил, что ты грустная. Не молчи, лучше поделись секретами своей работы. Это сложно?

– Быть ведущей? Нет, – улыбнулась я ему. – Может, если бы я на телевидении работала, было бы сложнее, но я-то на

радио. Сижу себе, болтаю. Люблю я это дело. А секреты? Ну, приходится воду пить, а не чай, кофе, и так далее. Меньше сладкого есть, диету соблюдать.

– Зачем? У тебя идеальная фигура, – уверенно заявил Егор, чем в очередной раз меня согрел.

Простые комплименты. Безыскусные. Но они для любой женщины приятны. Даже для женщины, которая не помешана на своей внешности.

– Диета не из-за фигуры, а из-за голоса. Ну, прости за подробности, чтобы в микрофон не плеваться. Из-за некоторых продуктов слюноотделение усиливается, и вряд ли слушателям будет приятно, если я при каждом слове стану плевать – это слышно. А когда рот «чистый» – дикция намного лучше. Это, в общем, все секреты.

Мы притормозили у спортивного магазина. Вошли внутрь, и Егор в очередной раз меня покорил:

– А мы к Кате не опоздаем? А то будет сидеть, ждать нас, пока мы по магазинам гуляем.

Боже, ну вот какой мужчина будет помнить о времени, когда дело касается чужого ребенка?!

– Всё нормально. Катя начинает работать со специалистом через интернет, так что сегодня будет длинный сеанс. Успеваем, всё нормально.

Егор кивнул. Деликатный он. Знает, что дочка у психолога, но не стал вытягивать из меня подробности.

Он довольно быстро выбрал себе скандинавские палки

для ходьбы, и еле заметно поморщился, глядя на этот инвентарь. Неужели, этот классный мужик комплексует?!

Хм, а почему бы не поддержать его! Он мне здорово с Катей помог, и продолжает помогать. Да дочка благодаря ему и заговорила!

– А может, нам с Катей тоже ходьбой заняться? И скучать не будем, и форму подтянем, и тебе компанию составим. Как тебе идея? – спросила я, взяв в руку палку со стенда.

– Тебе не нужно подтягивать форму, я уже говорил – она идеальна. Но компании я буду рад. Тем более – тебе, – Егор выделил это слово, дав мне понять, что не против Кати, но… да, он в очередной раз продемонстрировал свой интерес.

Может, зря я? Хотя, почему нет? Просто дам понять, что мы можем только дружить, но не более. Егор – не малолетка, поймёт, и не станет преследовать. У такого мужчины точно нет недостатка в женском обществе в том самом смысле.

– Тогда решено, мы с Катей присоединяемся. А насчет моей формы – это не генетика, Егор. Это спортзал, – рассмеялась я. – А также отказ от ватрушек, пампушек, гамбургеров и всего такого. Если не буду заниматься, то очень скоро ты не сможешь похвалить мою форму, поверь.

– Не поверю! – Егор отодвинул меня от снаряжения, и сам принялся выбирать нам с Катей тренажеры для треккинга.

– А придется! Знаешь, о чем мечтают почти все женщины? Нет, не о принцах на белых жеребцах, а о том, чтобы есть и не толстеть. Или толстеть, но в определенных местах!

Когда я нападаю на холодильник среди ночи, я так и думаю: ну пожалуйста, жир, не липни на талию, присмотрись к груди! Но… не срабатывает, – развела я руками.

Егор, посмеиваясь, обернулся ко мне, и окинул меня чисто мужским взглядом с ног до головы. И от этого взгляда по телу приятная волна пошла. Ухх!

– Черт, а я-то думал, что женщины о нас мечтают. Ты разбила мое сердце.

– Прости. Такова суровая правда: это в двадцать мы мечтаем о любви. В тридцать мы куда больше желаем не толстеть, и не стареть. Как только мне стукнет сорок – позвоню, и по-дружески сообщу, о чем мечтают женщины в этом возрасте, – дала я намек на дружеские отношения.

Егор всё понял, я по взгляду поняла. Как же хорошо иметь дело со взрослым и адекватным мужчиной, которому не приходится на пальцах объяснять, или посылать. Малолетки редко понимают намеки, опыта недостает.

– Я заплачу. Настя, – осадил Егор, когда я всё же достала кошелек, – я сам, убери!

Позорить его я не стала. Егор купил нам с Катей снаряжение для спорта, мы выли из магазина, и я сказала:

– Спасибо. Но, Егор, я против трат на меня. Это лишнее.

– Если хочешь отдать долг – можешь пригласить меня на ужин. Ем я много, как раз будем квиты.

– Дружеский ужин?

– Дружеский, – подтвердил Егор, но его взгляд… хмм, я

уверена, что намеки мои он понимает, но шлет их куда подальше, кажется. – Кстати, Насть, ты говорила, что хочешь съездить к юристу насчет развода. Планы не поменялись?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.